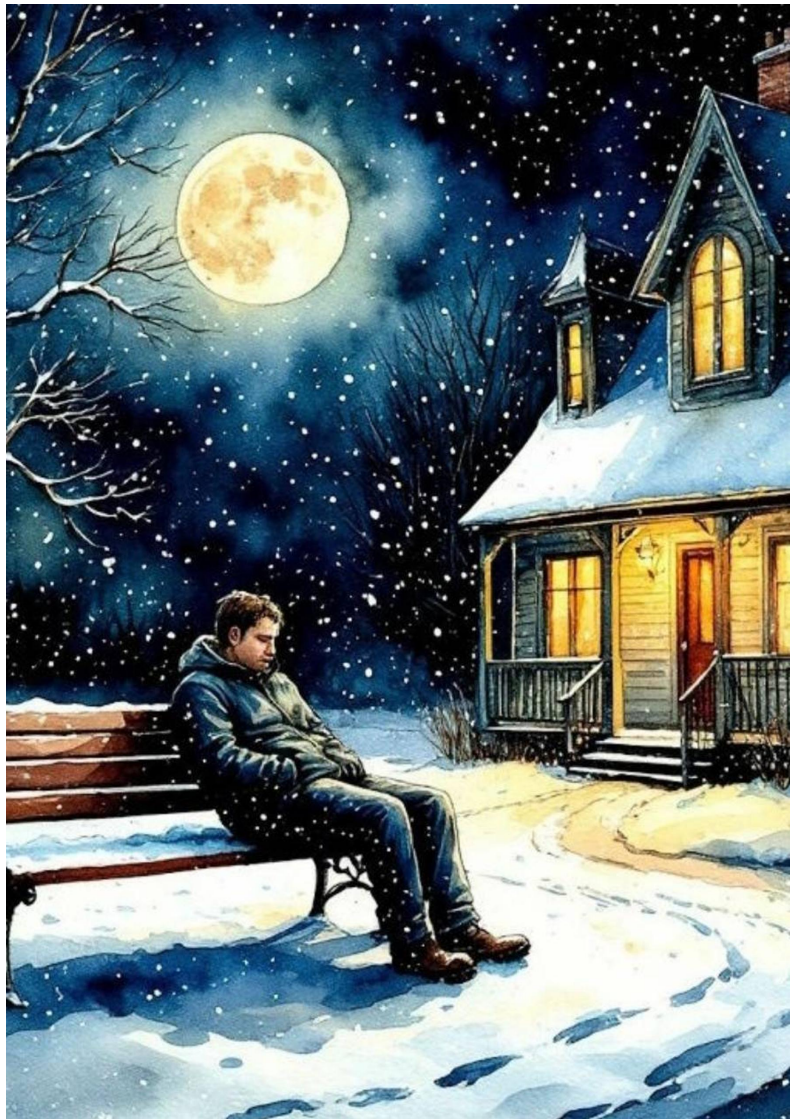

Саша Вью

Детектив. Когда я ночью не могу уснуть

<https://litres.ru/74242712>

SelfPub; 2026

Аннотация

Архитектор Дмитрий Воевода ценит тишину и покой своего дома в элитном посёлке, но одной бессонной ночью привычный уклад рушится. Выйдя подышать морозным воздухом, он становится втянутым в череду смертей. У забора находят тело сына влиятельного человека, застреленного с профессиональной точностью. Недавний конфликт с убитым из-за погибшей собаки выглядит более чем убедительным мотивом. Подозрение падает на Дмитрия.

Следователь Ульяна Попова — жёсткая, недоверчивая и без сантиментов — не спешит списывать архитектора со счетов. Чтобы очистить своё имя, Дмитрий начинает активно помогать следствию, и понимает: ниточки ведут в прошлое, которое предпочитают не ворошить.

Чем глубже Дмитрий погружается в историю, тем мрачнее становятся открытия: сломанные судьбы, тайный дневник давно погибшей девушки, безобидная городская сумасшедшая, шепчущая пугающие пророчества, и бывшая учительница, не

желающая вспоминать своих учеников. Кто-то планомерно вершит возмездие, оставляя жертвам послания.

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Саша Вью
Детектив. Когда я
ночью не могу уснуть

Глава

(все события вымышлены, все совпадения случайны)

Глава 1

Устав ворочаться в постели, я поднялся и сел. Посмотрев по сторонам, я не нашёл лучшего занятия, чем уставиться и смотреть в окно. За окном шел снег. Он падал медленно, большими хлопьями, не потревоженными ветром. Наблюдая за ним, я старался ни о чём не думать. Я хотел поймать тот момент тишины, когда, наблюдая за меланхолично падающим снегом я освобожу голову от мыслей и погружусь в долгожданную дремоту, а затем и в сон.

Не знаю сколько я так сидел, пялясь в окно, пять минут или полчаса. Мне показалось – что долго. Я не только не засыпал, но даже еще больше так измучился. Мной завладело непреодолимое желание выйти на улицу и почувствовать эту тишину, чтобы меня окружали хлопья снега и понемногу пробирал холод. Я встал и тепло оделся. Я хотел, чтобы холод пробирал меня медленно и приятно. Я вышел и сел на лавочку у дома. Меня окутала тишина и меланхолия медленно падающего снега. Я стал о чем-то думать, о чем-то красивом, может быть вечном и сам не заметил, как мною овладела дремота, а потом видимо и ... и ...

Я вздрогнул от резкого звука, разрезавшего тишину.

Я вышел и сел на лавочку у дома. Меня окутала тишина и меланхолия медленно падающего снега. Я стал о чем-то думать, о чем-то красивом, может быть вечном и сам не заметил, как мною овладела дремота, а потом видимо и ... и ...

Я повертел головой в разные стороны, но ничего не увидел. Настороженно посидел, немного прислушиваясь вдруг этот звук снова повториться, но этого не произошло. Может мне это просто показалось или даже приснилось? Да какая разница, я безумно благодарен, что меня это разбудило, а то вот так вышел полюбоваться снежочком, а в итоге замёрз бы на смерть.

Я встал, немного размял своё затёкшее, подмерзающее тело и побежал в дом. Разделся, потёр замёрзшие ноги и прыгнул под одеяло. Было приятно ощущать, как тело потихоньку согревается. Я закутался посильнее и уснул.

Стук. Сквозь сон, определённо, пробирался этот громкий, раздражающий стук. Я открыл один глаз и посмотрел на наручные часы: семь – пятнадцать. Какая же тварь в такой час и чем так громко стучит. Я хотел повернуться на другой бок, продолжая отдаваться плену Морфея, но стук снова настойчиво повторился.

Мой проснувшийся мозг отчётливо понял, что кто-то очень настойчиво барабанит мне в дверь. Я вскочил с кровати, накинул халат и открыл. На пороге стояла мужиковатая баба, из тех, которые не терпят снисхождения к себе в работе и когда их называют слабый пол. Вы не подумайте, я очень прекрасно и с уважением отношусь ко всем женщинам и даже некоторых особенно люблю, но не когда они снимают мне с петель своим стуком дверь в семь утра.

Рядом с ней стояла Тамара Петровна, взрослая женщина

семидесяти лет, проживающая на нашей улице, с лыжными палками в руках. И пришли они ко мне явно не для того, чтобы пригласить меня вместе позаниматься скандинавской ходьбой.

– Доброе утро, – совсем невежливо, даже с каким-то вопросом в голове, сказал я.

Баба достала из кармана удостоверение и открытым протянула его к моему лицу.

– Следователь Попова. Дмитрий Сергеевич Воевода?

– Да я.

– Вы один дома? Этой ночью дома были?

– На оба вопроса «да». А что случилось?

– Димочка, миленький, тут такое, такое! – Не выдержала и так долго молчавшая Тамара Петровна. Баба Попова, негромко хмыкнула, наверняка до этого просила её держать рот закрытым. Но останавливать Тамару Петровну всё-таки не стала, видимо хотела посмотреть на мою реакцию. – Стасика убили. Прямо у вашего забора. Представляете, я утром как обычно иду с той стороны дороги, лесочком, воздухом дышу, прохладой наслаждаюсь. Смотрю у вашего забора, да почти даже на самой дороге, лежит что-то. Я подумала, что это Димочка себе позволяет, выкинул что-то в неположенное место в неположенный день. Думала мусор какой. Вы же знаете, я плохо вижу без очков. Подошла ближе, надела очки. И ахнула, Стасик лежит, с красной дыркой во лбу. Я даже закричать не могла, так испугалась. Сразу к их дому и

побежала. До ворот дошла и встала как вкопанная, как же я Андрею Михайловичу скажу, вот там сыночек ваш лежит, синенький. Пошла назад и в полицию позвонила. Они люди умелые, лучше знают, как о таком сообщать. Он хоть и не путёвый, а как жалко!

Тамара Петровна замолчала, продолжая задумчиво охать. Я тоже задумался о Стасе и о резком звуке, который разбудил меня от дремоты ночью.

– А я вижу, вы совсем не удивлены? – Вывел меня из задумчивости голос Поповой.

– С чего вы взяли? Очень даже удивлён. Или Вы считаете, что удивление у людей выражается только вытянутым лицом и вопросами: «не может быть?» или «да как так?»? У некоторых оно выражается простым онемением.

– Опять мимо Вас. Ваше красноречие несколько не пострадало. Гражданин Воевода, одевайтесь и проедемте с нами.

Я понял к чему она клонит, сложил два плюс два.

– Вы меня что ли подозреваете? А кого, собственно, Вам еще подозревать? Мёртвый Стас лежит под моим забором, я дома один, мою непричастность никто не может подтвердить. Только вы ошибаетесь, у меня стопроцентное алиби. – Я показал пальцем на дом соседа, на котором висела камера, направленная в мой двор.

Следователь Попова равнодушно посмотрела на камеру, мой изящный выпад её совсем не впечатлил.

– Вас еще никто не обвиняет. Камеру мы непременно посмотрим. Зафиксируем во сколько вы вошли в дом и во сколько выходили. – Она профессионально оценила мой дом взглядом, на предмет можно ли из него выбраться, не попадая в поле видимости камеры. – А проехать с нами вы должны для дачи показаний.

– Вы сходите, посмотрите запись. А я и правда пойду переоденусь, а то замёрз уже так стоять. – Я хотел закрыть дверь, но Попова не двинулась с места. – Если вы думаете, что я, не сбежав ночью ломанусь в бега сейчас, то можете попросить за мной проследить ваших коллег, при вас я переодеваться не желаю. Мне не к чему ещё и обвинения в домогательствах к сотруднику при исполнении.

Она нисколько не оценила моей шутки. Может, потому что нет чувства юмора, а может, потому что насмотрелась уже вдоволь на таких шутников как я. Сотрудник Василий и правда, ко мне был приставлен, пока она пошла опрашивать жильцов нашей улицы и брать записи с камер. Я переодевался и думал, как же она меня бесит, эта баба. Меня прям распирает говорить ей все наперекор и высмеивать все её предположения.

Я вздохнул глубоко чтобы успокоиться. Сделал примитивную дыхательную гимнастику. А то такими необдуманными выпадами и несдержанностью недолго попасть на реальный срок.

Следователь Попова не торопилась ко мне возвращаться.

Она обошла всю улицу и опросила всех соседей, кто что слышал или может видел. Я за это время успел не только выпить кофе, но и даже позавтракать. Когда она вернулась ко мне, посмотрев на неё я вдруг подумал, не такая она прям и мужиковатая, одета не изящно, но а так такие даже некоторым нравятся. Вернувшись, она больше не предлагала ехать в отделение. Она прошла в дом и села за стол, Вася достал ручку и стал заполнять протокол.

Она прошла в дом и села за стол, Вася достал ручку и стал заполнять протокол.

Когда следователь Попова вернулась ко мне, посмотрев на неё я вдруг подумал, не такая она прям и мужиковатая, одета не изящно, но а так такие даже некоторым нравятся.

– Скажите, давно Вы знакомы с Лебедевым Станиславом Андреевичем? – начала она допрос.

– Не могу сказать, что мы знакомы. Я знаю всех по имени на этой улице. Мы все здороваемся друг с другом, совместно решаем вопросы, когда засоряется канализация или нужно обновить асфальт на дороге. Но в гости к друг другу не ходим, за одним столом не сидим. Немного ближе знаю тех, чьи дома рядом с моим, скажем так по-соседски. Так что кроме внешности и имени я про Стаса ничего не знаю.

– Понятно. А вот жильцы вашей улице говорят, что Вы не только здоровались с Лебедевым, но между вами был конфликт. И, что Лебедев убил вашу собаку.

– Конфликт, у него был не со мной, а скорее с моей собакой. Она не выносила плохих людей. И не жалея себя, всячески это демонстрировала.

– А Лебедев был плохим человеком?

– По мнению моей собаки, да.

– И что? Его сильно беспокоило мнение вашей собаки?

Я улыбнулся, всё-таки какое-то чувство юмора у неё есть.

– Нет, рискну предположить, что его ни чьё мнение не беспокоило. Просто, когда я гулял со своей собакой с другой стороны дороги по лесочку, он не мог выйти из дома. Моя собака лаяла и кидалась на него, он её боялся.

– У вас была такая огромная собака, что вы были не в силах удержать её на поводке?

– Здесь нет детских площадок, а из гуляющих, только Га-

лина Петровна со своей скандинавской ходьбой. Найда, так звали мою собаку, прекрасно относилась к Галине Петровне, виляла хвостиком и радостно приветствовала. Поэтому я спускал собаку с поводка, разрешая ей свободно бегать и резвиться.

– У Вас частный дом, была необходимость выгуливать собаку по лесочку, пугая соседа?

– Мне нравится выйти из-за забора, пройтись, найти вдохновение. И моей собаке нравилось тоже.

– Если он боялся выйти из дома, почему не выезжал на машине? В его кармане лежало водительское удостоверение. Он не водил автомобиль?

– Андрей Михайлович, его отец, запретил ему брать машину. Боялся, что он сядет за руль пьяным или ещё под чем-нибудь и разобьётся сам или сожмёт кого-нибудь. Как по мне, странный какой-то запрет, потому что его возили такие же дружки, как и он сам. Чтобы не записывать номера машин и фамилии водителей у охраны, и его отец не знал кто его забирает, когда, ему приходилось идти пешком до шлагбаума.

– Говорите, что его друзья такие же, как и он. Знаете кого-то?

– Нет, эту информацию нам подробно доложила Тамара Петровна, она видела не один раз, как какие-то головорезы, это она их так называла, забирали его у шлагбаума. Кстати, то что отец запретил ему брать машину, это тоже информация от Тамары Петровны. Вы бы лучше её опрашивали, чем

меня, она обладает куда большей информацией.

– Нам важно узнать информацию, которой обладаете Вы. Вся важную информацию, которой обладает Тамара Петровна, она нам уже сообщила.

«И не важную тоже» – добавил про себя я.

– Как он убил вашу собаку? Отравил?

– Нет, моя собака никогда не брала ничего у чужих людей. Он нанял какого-то человека с профессиональными навыками. Тот перескочил через забор, когда Найда на него бросилась, ударил её охотничьим ножом в сердце. Убил быстро, профессионально с одного удара. Потом перескочил обратно, оставив мне только следы армейских ботинок.

– Вы заявили на Лебедева?

– Нет, у меня не было никаких доказательств, я только мог предположить, что это он. К тому же кто будет расследовать убийство моей собаки, когда вот тут людей среди улиц убивают.

– И Вы значит, как добрый христианин, не старались ему никак отомстить, просто простили и отпустили?

– Нет, я увёл у него женщину, за которой он долго и безуспешно ухаживал.

– Значит Вы всё-таки интересовались жизнью Лебедева и навели о нём справки?

– Мне было это незачем делать. Все соседи знают, что он присылает ей подарки, которое она выбрасывает, а Тамара Петровна их подбирает и перед всеми нами ими хвастается.

А когда он решил спеть ей серенаду, то Ефим Аронович, её отец, вышел из дома с ружьём и сказал, что если он сейчас же не уберётся от его дома, он подстрелит его, как лося на охоте. Это позорище месяц ещё обсуждали, никак успокоиться не могли.

– Весело, однако вы здесь живёте.

– А что? Тамара Петровна, про убийство моей собаки сказала, а то, что Ефим Аронович хотел его пристрелить упомянуть забыла?

Она сделала вид, что пропустила эту информацию мимо ушей и продолжила разговор в нужном и понятном ей одной русле.

– А Вы получается такой умелый ловелас, что сразу заинтересовали и стали встречаться с этой девушкой?

– Не получается. Я не какой не ловелас, просто умею договариваться с людьми. Я её встретил на улице, как бы случайно. Спросил что-то по делу. Потом упомянул этот скандал с серенадой. Сказал, что если сделаем вид что встречаемся, он от неё отстанет. Так что между нами была чистой воды деловая сделка, но Лебедев об этом не знал.

– И что он от неё отстал? И не пришел к Вам с претензиями по этому поводу?

– Естественно отстал. После убийства моей собаки, он не мог прийти ко мне качать права. Он знал, что я знаю, что это сделал он. Прийти ко мне или продолжать волочиться за ней, значит дать мне потрясающий повод набить ему морду. Если

честно я хотел этого, даже ждал поначалу, но потом понял, что он никогда открыто на конфликт не пойдёт. То ли сам человек такой, то ли боялся отца, не знаю.

– Вы так были уверены в своей победе в таком поединке?

– Не важно был я уверен или нет, просто на тот момент этого хотел.

– А Вы не боялись, что как и ваша собака получите где-нибудь в тёмном переулке удар ножом в сердце?

– Наверное, надеялся, что он всё-таки не такой отмороженный, – пожал плечами я. А ведь она права, что, собственно, мешало ему, а я даже об этом не подумал, только радовался и упивался своей местечковой мстостью.

Следователь Попова некоторое время внимательно смотрела на меня, видимо изучала и что-то обдумывала в своей голове. Потом продолжила.

– Получается, Станислав Лебедев каждый день ходил по этой и центральной улице до шлагбаума и обратно?

– Не только день, но и каждую ночь. Он возвращался, когда в час, когда в три, под утро в шесть. О чём мне каждый раз лаем сообщала моя собака, пока была жива.

– От дома Лебедевых до шлагбаума нужно пройти примерно мимо тридцати - сорока домов. Как думаете, почему его убили именно около вашего дома? Может чей-то лично для Вас такой оригинальный подарок?

– Думаю, по этому маршруту это, наверное, единственный дом у которого нет камер наружного видео наблюдения.

– А почему у Вас его нет?

– Мне оно было не нужно, у меня была умная собака. После того как ее убили, сосед предложил направить одну из его камер ко мне во двор на всякий случай. Я с благодарностью согласился.

– Но с этой камеры виден только ваш двор и совсем не видно улицу.

– Мне достаточно.

Она что-то отметила у себя в голове, но вслух ничего не сказала.

– На записи с камеры вашего соседа, чётко видно, как вы неподвижно сидите, а потом вздрагиваете, судя по времени в момент выстрела. Значит, Вы его услышали. Почему не вышли, не посмотрели, что случилось, а сразу зашли домой? От вашего крыльца до ворот забора, несколько шагов. Вы могли бы увидеть убийцу.

– Понимаете, я уснул. И выстрел, теперь я понимаю, что это был именно он, разбудил меня. Тогда я не понял, какой звук меня разбудил и так как он не повторился я просто решил, что мне показалась и пошёл домой.

– Кем Вы работаете? Судя по вашему дому, зарабатываете хорошо. Может имеете свой бизнес?

– Я архитектор. Если сравнивать с жителями этой улицы зарабатываю средне, но мне на жизнь хватает. – Мои глаза прищурились и откуда-то изнутри вылезла ехидная улыбка. Какое-то мужское самолюбие, что ли, решило показать

своё превосходство над ней. Да и сколько, собственно, можно и так своими расспросами раздела до трусов. – Если хотите прикинуть, хватило бы мне денег нанять киллера, чтобы убить Стаса, то да вполне мог бы себе это позволить. Но вам не кажется абсурдным делать это около своего дома?

– Почему нет? Отличное прикрытие – фраза: «Я же не дурак, делать это около своего дома», плюс стопроцентное алиби.

Мы несколько секунд пристально смотрели друг на друга. Я не собирался оправдываться. Если она и правда так считает пусть предоставит доказательства, улики, а иначе это просто её фантазия.

Она подала Василию знак рукой, он передал ей протокол.

– Прочитайте, если всё правильно, напишите «с моих слов записано верно» и подпись.

Я прочитал и подписал протокол. Она сложила его в свою папку. Потом встала и они с Василием направились к выходу. У дверей она сказала:

– Город в ближайшее время не покидайте, вы можете понадобиться следствию.

Они ушли я проводил их недоброжелательным взглядом.

Весь оставшийся день прошёл бестолково. Я пытался работать, но все что выходило мне категорически не нравилось. Хотел расслабиться посмотреть фильм, но всё время думал о Стасе. Кому он мог перейти дорогу, или кого так допёк, что тот не выдержал и пристрелил его, или может про-

сто видел что-то, что не следовало. И все эти мысли крутились в моей голове не находя ответа. Еще эта Попова, как пить дать, будет копать под меня, другие версии в её мозгах никогда не родятся.

Бесит.

Попытаться выяснить все самому? Это будет выглядеть подозрительно, с чего бы это мне вообще интересоваться людьми, а в особенности Стасом.

Она подняла свою белую ручку и снова стукнула в окно один раз, как и раньше. Я снова вздрогнул, хотя видел, что она собирается сделать.

Я не заметил, как стемнело. Я встал и пошёл на кухню. Свет включать не стал, луна светила ярко, её света вполне

хватало, чтобы налить себе стакан воды. Я налил себе воду, посмотрел в окно и непроизвольно опять задумался о Стасе.

Белая худощавая рука потянулась к окну, со стороны улицы, и негромко стукнула в него один раз. Я вздрогнул. За рукой появилась фигура. Это была женщина, растрёпанные чёрные волосы, непонятная светлая одежда, то ли пуховик, то ли халат. Луна светила ей в спину поэтому лица я не видел. А вот моё лицо было видно ей совершенно отчётливо. Она подняла свою белую ручку и снова стукнула в окно один раз, как и раньше. Я снова вздрогнул, хотя видел, что она собирается сделать. Я услышал, как у меня в ушах бешено колотится сердце. Форточка на кухне была приоткрыта, поэтому я отчетливо услышал сквозь шум бьющегося сердца её голос. Мне показался он как будто скрип деревьев, гнувшихся под ветром. Она сказала:

– Она забрала только его. Будь спокоен, ей больше никто не нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.